

The background of the cover is a grayscale, high-contrast image of a cityscape. In the foreground, several tall buildings are visible, some appearing to be in ruins or under construction. The sky is dark, and several bright, jagged lightning bolts strike across it from the top right towards the bottom left. The overall mood is dramatic and intense.

Дивергент

ИНСУРГЕНТ

Эллигент
Четыре.
История дивергента

ИНСУРГЕНТ

ВЕРОНИКА
РОТ

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

P79

Veronica Roth

INSURGENT

Copyright © 2012 by Veronica Roth

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers

Иллюстрация на обложке и в блоке *JAMESLINK*

Рот, Вероника.

P79 Инсургент / Вероника Рот ; [перевод с английского М. Новыша]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-191047-1

Беатрис Прайор, родившаяся в семье Альтруистов, меняет фракцию и вступает в ряды Лихости. Но каждый выбор имеет последствия. День ее посвящения в лихачи закончился катастрофой. Привычное устройство мира стремительно рушится, противоречия между фракциями растут, конфликт идеологий становится все более острым. Надвигается война. Перед Трис снова стоит необходимость принять поворотное решение: она должна выбрать сторону. Но как это сделать, если все мысли заняты горем и мучительным чувством вины? И как справиться с последствиями, когда раскрытые секреты делают выбор неотвратимым?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Новыш М., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-191047-1

*Посвящается Нельсону,
ради которого стоило рискнуть всем.*

Правда, как и дикий зверь, слишком
сильна, чтобы оставаться в клетке.

Из манифеста фракции Правдолюбия

Глава 1

Я проснулась с его именем на устах.
Уилл.

В моем сознании снова всплыла все та же картина — как он замертво рухнул на асфальт. Я убила его.

Сейчас рядом со мной сидит Тобиас, положив руку мне на левое плечо. Вагон поезда стучит по стыкам рельс, у дверного проема затаились Маркус, Питер и Калев. Я делаю глубокий вдох и задерживаю дыхание, пытаюсь хоть как-то ослабить напряжение, сдавившее мою грудь.

Всего лишь час назад произошедшее казалось мне нереальным. А теперь — нет.

Я стараюсь глубоко дышать, но без толку — напряжение не исчезает.

— Давай, Трис, — шепчет Тобиас, пытаюсь поймать мой взгляд. — Надо уходить.

Слишком темно, чтобы понять, где мы, но, наверное, уже недалеко от ограды. Тобиас помогает мне встать и ведет к выходу.

Остальные начинают прыгать один за другим. Первым — Питер, потом — Маркус, а затем — Калев. Я хватаю Тобиаса за руку. Мы находимся на краю, ветер дует мне в лицо, словно отталкивая назад, в самую глубь вагона, в безопасность.

Но мы прыгаем в темноту и сильно ударяемся ногами о землю. И боль от пулевой раны в правом плече снова дает о себе знать. Я прикусываю губу, чтобы не вскрикнуть, и оглядываюсь вокруг в поисках брата.

— В порядке? — спрашиваю я, обнаружив Калеба сидящим на траве в паре футов от меня. Он потирает ушибленное колено.

Калек кивает, шмыгает носом, чтобы не расплакаться, и я отворачиваюсь.

Оказалось, мы выпрыгнули на траву в нескольких метрах от ограды, возле раздолбанной дороги, по которой грузовики Товарищества возят в город продовольствие. Рядом главные выездные ворота. Сейчас они заперты, наружу не выйдешь. Везде построены сторожевые вышки. Они гибкие и крепкие — на них не заберешься и не поваляешься.

— Здесь должны быть охранники, из лихачей, — говорит Маркус. — Где они?

— Очевидно, под влиянием симуляции, — отвечает Тобиас.

Внезапно он замолкает.

— Кто знает, где они и что делают, — наконец произносит он.

Мы остановили симуляцию. Об этом напоминает вес жесткого диска, лежащего у меня в заднем кармане. Но у нас не было времени оценить последствия. Сейчас мы никак не можем узнать, что случилось с нашими друзьями, с нашими лидерами и фракциями.

Тобиас подходит к маленькой металлической коробочке, закрепленной на правой стороне ворот, и открывает ее. Внутри — клавиатура.

— Будем надеяться, у эрудитов не хватило ума сменить код, — бормочет он, набирая несколько цифр. Когда Тобиас вводит восьмой знак, раздается щелчок, и ворота открываются.

— Откуда ты знаешь шифр? — спрашивает Кaleb так резко, что я удивляюсь, как эти слова не застревают у парня в горле.

— Работал на посту управления сектора Лихости, следил за системой безопасности. Код мы меняли два раза в год, — отвечает Тобиас.

— Какая удача, — заявляет Кaleb, напряженно глядя на Тобиаса.

— Фортуна ни при чем, — парирует тот. — Я устроился туда, чтобы иметь возможность выбраться.

Я вздрагиваю. Он уверен, что мы уже в ловушке. Я еще никогда не думала о нашем положении подобным образом, и, видимо, зря.

Мы движемся плотной группой. Питер прижимает к груди окровавленную руку, ту самую, которую ему прострелила я. Маркус поддерживает его за плечо, чтобы тот не упал. Кaleb каждые пару секунд вытирает щеки. Я понимаю, что он плачет, но не могу его утешить. Не знаю почему, но сама я не плачу.

И я просто выхожу вперед. Тобиас молча нагоняет меня и идет рядом, одно его присутствие помогает мне держаться.

Огоньки — первый признак, что мы приближаемся к лагерю Товарищества. Яркие точки постепенно увеличиваются, превращаются в квадраты и наконец в залитые светом окна. Это небольшое скопление деревянных и застекленных домов.

Но прежде предстоит миновать сад. Ноги начинают увязать в мягкой почве, ветви деревьев над головой переплетаются, образуя тоннель. Между листьев висят потемневшие, тяжелые плоды. В нос ударяет резкий сладкий запах подгнивших яблок на влажной земле.

Маркус решительно отходит от Питера.

— Все за мной, — произносит он.

Он ведет нас мимо первого здания ко второму, держась левой стороны. Все строения, кроме теплиц, сделаны из грубо обработанного темного дерева и не покрашены. Из открытого окна слышится смех. Контраст между весельем и отчаянием, каменной немотой, которая царит внутри меня, разителен.

Маркус открывает одну из дверей. Здесь отсутствуют меры безопасности — члены Товарищества слишком часто переступают линию, отделяющую доверие от глупости.

Сначала я слышу лишь скрип наших ботинок. Калеб уже не плачет, похоже, он успокоился.

Маркус останавливается на пороге комнаты, и перед нами предстает Джоанна Рейес, представитель Товарищества в правительстве. Я сразу узнаю ее. Джоанну забыть невозможно. Шрам рассекает ее лицо — от правой брови и до верхней губы, упирается в незрячий глаз и мешает ей говорить, заставляя шепелявить. Я навсегда запомнила ее голос. Если бы не этот рубец, она была бы настоящей красавицей.

— О, слава богу, — произносит Джоанна и идет Маркусу навстречу — с расprostертыми объятиями, но лишь слегка касается его плеч. Думаю, она хорошо помнит, что альтруисты не любят физического контакта в повседневной жизни.

— Другие члены вашей фракции добрались пару часов назад, но не были уверены, удастся ли это сделать вам, — говорит она. Рейес имеет в виду группу альтруистов, которые собирались вместе с моим отцом и Маркусом. Похоже, их судьба меня совсем не беспокоит.

Она внимательно разглядывает Тобиаса и Калеба, а потом одаривает взглядом меня и Питера.

— О господи, — восклицает Джоанна, уставившись на рубашку Питера, промокшую от крови. — Я пошлю за врачом. Могу предложить вам ночлег, но вопрос дальнейшего пребывания решит общее собрание завтра утром. И, — многозначительно добавляет она, — вряд ли их обрадует

присутствие в нашем секторе лихачей. Также я, безусловно, попрошу вас сдать имеющееся оружие.

Я недоумеваю, как она догадалась, что я и Тобиас из лихачей. На мне все еще надета серая рубашка моего отца.

И вдруг его запах — смесь пота и мыла — поднимается вверх и заполняет мой нос, наводняет голову мыслями о нем. Я сжимаю кулаки, и ногти едва не протыкают кожу на ладонях. *Не здесь. Не сейчас.*

Тобиас держит руку на пистолете, но, когда я собираюсь достать спрятанное под рубашкой оружие, он хватается за кисть. Затем он сплетает свои пальцы с моими, чтобы скрыть все от посторонних глаз.

Я понимаю, что лучше быть при оружии. Но как хочется избавиться от него сейчас!

— Меня зовут Джоанна Рейес, — официально представляется она, здороваясь за руку со мной и с Тобиасом. Приветствие в стиле лихачей. Меня впечатляет подобное знание обычаев фракций. Я всегда забываю о том, сколь деликатны и предусмотрительны члены Товарищества, пока не сталкиваюсь с этим воочию.

— Это То... — начинает Маркус, но Тобиас перебивает его.

— Меня зовут Четыре, — сообщает он. — А это — Трис, Калев и Питер.

Пару дней назад имя «Тобиас» было известно лишь мне. Он поделился со мной самым сокровенным. Вне лагеря Лихости у парня есть особый повод скрывать свое имя, которое связывает его с Маркусом.

— Добро пожаловать в дома Товарищества, — говорит Джоанна и слегка улыбается. — Позвольте о вас позаботиться.

Мы, конечно, не против. Медсестра дает мне мазь, изобретенную эрудитами, без сомнения, — хорошо заживляющую. Питер остается в больничной палате, где занимаются его рукой. Джоанна отводит нас в кафетерий, мы встречаемся с частью альтруистов, из тех, что были вместе с Кале-

бом и отцом. Здесь Сьюзен и некоторые из наших соседей. Стоящие в ряд деревянные столы тянутся из конца в конец помещения. Знакомые приветствуют нас и Маркуса, сдерживая слезы и пытаюсь улыбаться.

Я вцепляюсь в Тобиаса. Присутствие членов фракции, к которой принадлежал отец, и жизни, оборвавшейся в одну ночь, — все повисает на мне тяжким грузом.

Один из альтруистов сует мне под нос чашку с дымящейся жидкостью.

— Выпей, — произносит он. — Поможет уснуть без сновидений.

Влага — розовато-красная, как клубника. Я залпом выпиваю все до дна. Первые пару секунд кажется, что меня наполняют силы, но вскоре я полностью расслабляюсь. Кто-то ведет меня по коридору, в комнату с кроватью. Я проваливаюсь в темноту.

12

Глава 2

Я открываю глаза и в ужасе хватаюсь руками за простыни. Но я в безопасности и не мечусь по улицам или коридорам штаб-квартиры Лихости. Я лежу в постели, в доме Товарищества. Воздух пропитан запахом опилок.

Я поворачиваюсь и вздрагиваю, ощущая, как что-то впицается мне в спину. Я моментально нащупываю пистолет.

На мгновение я снова вижу перед собой Уилла. Мы целимся друг в друга. Но я ведь могла выстрелить ему в руку, почему я этого не сделала, почему?

Я произношу его имя, срываясь на крик.

И все исчезает.

Наконец я встаю, приподнимаю матрас, подпирая его коленом. Сую в тайник пистолет, и теперь, когда оружие не касается моей кожи, в голове сразу становится яснее.

Адреналиновая лихорадка вчерашнего дня закончилась, так же как и успокоительный напиток, и я чувствую сильную стреляющую боль в плече. Я спала в одежде. Из-под подушки торчит краешек жесткого диска. Я вчера туда его сунула. На нем сохранены данные симуляции, которая управляла лихачами, и запись действий эрудитов. Это очень важно, я даже боюсь его трогать, но нельзя оставлять диск в кровати. Я хватаю его и прячу между шкафом и стеной. Какая-то часть меня точно считает, что его надо уничтожить. Но я знаю — это единственное доказательство того, как погибли мои родители.

Кто-то стучится. Я сажусь на край постели, пытаюсь пригладить волосы.

— Войдите, — произношу я.

Дверь открывается. На пороге застывает Тобиас. Он — в своих старых джинсах, но вместо черной футболки нацепил темно-красную. Он, наверное, получил обновку от здешних жителей. Для него это слишком яркий цвет, но, когда парень откидывает голову и прислоняется к проему, я понимаю, что такой оттенок делает темно-синие глаза Тобиаса более светлыми.

— Члены Товарищества собираются через полчаса, — сообщает он, подняв бровь. — *Чтобы решить нашу судьбу*, — драматическим тоном добавляет он.

— Никогда не думала, что моя судьба окажется в руках кучки ребят из Товарищества, — отвечаю я и недоуменно качаю головой.

— Я тоже. О, я тебе кое-что принес, — Тобиас открывает крышку небольшой бутылочки и протягивает мне стаканчик, наполненный прозрачной жидкостью. — Обезболивающее. Принимай каждые шесть часов.

— Спасибо, — благодарю я, опрокидывая содержимое в рот. На вкус лекарство похоже на подгнивший лимон.

Тобиас засовывает большой палец в шлевку джинсов.

— Как ты, Беатрис?

— Как ты меня назвал?

— Решил попытаться, — улыбается он. — Не стоит?

— Сойдет, но для особых случаев. Инициация, Выбор...

Я умолкаю. Я хотела назвать еще пару праздников, но их отмечают только альтруисты. У лихачей — свой собственный календарь, но я пока даже не в курсе, какой он. В любом случае мысль о том, что мы будем торжественно отмечать какие-то события, кажется мне нелепой.

— Договорились, — соглашается Тобиас, но вдруг становится серьезным. — Как ты, Трис?

В вопросе нет ничего странного, особенно после того, что нам пришлось пережить, но я сильно напрягаюсь, словно Тобиас видит меня насквозь. Я еще не рассказала ему про Уилла. Я хочу, но не знаю как. Сама мысль произвести все это вслух кажется невыносимо тяжелой — будто я сразу сквозь пол провалюсь.

— Я... Никак, Четыре. Я проснулась...

Я начинаю трясти головой. Он проводит рукой по моей щеке, положив свой палец мне за ухо. Потом наклоняется и целует меня. Волна истомы окатывает тело. Я обхватываю его руку и держу ее. Он прижимается ко мне, и грудь с животом заполняет тепло.

Сейчас я не должна ничего говорить. Я могу лишь попытаться забыть, а Тобиас мне поможет.

— Понимаю, — шепчет он. — Извини, не стоило спрашивать.

Разве это можно понять, — думаю я. Но нечто в его лице напоминает мне — он знает, что значит потерять родного человека. Он лишился матери, когда был еще мальчиком. Я помню только ее похороны.

Внезапно в голове всплывает, как он, девятилетний, стоял тогда в гостиной, вцепившись руками в занавески. Его темно-синие глаза были закрыты. Образ нечеткий, возможно, мое воображение разыгралось.

Тобиас выпускает меня из объятий.

— Я уйду, а ты приготовься, — говорит он.

Женская душевая находится двумя этажами ниже. Пол выложен темно-коричневой плиткой, стены сделаны из дерева и отгорожены от прохода пластиковыми занавесками. На стене надпись — ВНИМАНИЕ: В ЦЕЛЯХ ЭКОНОМИИ РЕСУРСОВ ДУШ РАБОТАЕТ ТОЛЬКО ПЯТЬ МИНУТ.

Вода холодная, так что мне вообще не нужно лишнее время. Я быстро моюсь левой рукой, правая висит вдоль тела. Лекарство, которое принес Тобиас, действует быстро. Боль в плече уже превратилась в тупую пульсацию.

Затем я возвращаюсь в комнату и нахожу на кровати стопку одежды. Желтая и красная принадлежит Товариществу, серая — Альтруизму. Я редко видела эти оттенки вместе. Если бы меня попросили угадать, я бы предположила, что их принесли альтруисты. Они всегда очень заботливые.

Я надеваю темно-красные джинсы, закатываю штанины в три оборота и облачаюсь в серую рубашку, которая тоже изрядно велика. Рукава доходят до кончиков пальцев, их приходится подвернуть. Двигать правой рукой больно, поэтому приходится делать все медленно и постепенно.

Кто-то опять стучится.

— Беатрис?

Тихий голос принадлежит Сьюзен.

Я открываю. Она приносит поднос с едой и ставит на кровать. Я всматриваюсь ей в лицо, ожидая увидеть боль утраты. Ее отец, один из лидеров Альтруизма, погиб во время нападения. Но Сьюзен спокойна, упорна и уверена. Главное качество фракции, которую я покинула.

— Извини, одежда не по размеру, — произносит она. — Наверняка сможем найти тебе что-то получше, если члены Товарищества позволят остаться.

— Все нормально, — отвечаю я. — Спасибо.

— Слышала, ты ранена. Тебе не надо помочь причесться или завязать ботинки?

Я уже готова отказаться, но мне действительно нужна хоть какая-то поддержка.

